

Е. А. Брылева¹

РАЗЛИЧИЯ В ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЯХ КАК ОСНОВА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗНОГЛАСИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В настоящее время активно обсуждается вопрос традиционных ценностей. При этом под данным термином зачастую подразумеваются различные понятия:

1) консервативные, выражающие идеологическую приверженность традиционным порядкам, социальным и религиозным доктринам. За главную ценность

принимается сохранение традиций общества, его институтов и ценностей²;

2) религиозные;

3) национальные, народные, национально-этнографические, национально-религиозные³.

Представляется, что каждый из этих подходов в той или иной мере обоснован, но было бы упрощением сводить традиционные ценности к религиозным воззрениям или внешним атрибутам национального костюма, народному творчеству и т. п. Более конструктивным стало бы рассмотрение традиционных ценностей с включением всех данных аспектов.

Говоря о традиционных ценностях российской культуры, исследователи выделяют духовность⁴, терпе-

¹ Начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Пенитенциарная система в механизме Российского государства: историко-теоретический аспект» (в соавт.), «Оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий лицам, осужденным к лишению свободы» (в соавт.), «Корпоративная социальная ответственность в России: необходимость формирования концепции», «Legal regulation of charitable activities carried out with the use of digital technologies» (в соавт.), «The Problems of Legal Regulation of AI: a Rather-Legal Research Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs Social Origin» (в соавт.), «Urgent problems in the investigation of computer crimes at the modern stage» (в соавт.), «Post-prison resocialization — myth or reality?» (в соавт.) и др. Член Ассоциации международного права. Награждена медалями ФСИН России «За отличие в службе» трех степеней, медалью ФСИН России за усердие в службе II степени. Юрист года — 2021 Пермского края.

² Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М.: Изд. В. М. Скаун, 1999.

³ Крысько В. Г. Словарь-справочник по социальной психологии. М.: Питер, 2003.

⁴ Рассадина Т. А. Традиционные ценности русской культуры. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-tsennosti-russkoy-kultury/viewer>.

ние¹, православие; патриотизм². При этом практически все единодушно отмечают коллективизм (общинность) как одну из ценностей российской нации.

Каждой цивилизации присущи свои ценности, сформировавшиеся под влиянием исторических, географических, религиозных, экономических и политических факторов.

Российские ученые-правоведы традиционно опирались на понятие естественных прав личности, принятое в классических философско-правовых и юридических учениях, по-своему апроприруя его в отечественных духовной, этической и правовой традициях. Концепция индивидуальных прав была особенно характерна для либеральных правовых доктрин. Однако, несмотря на активные попытки ряда ученых и государственных деятелей (П. А. Столыпин и др.), в России либерализм не получил значительного развития, в том числе и по причине традиционности русской общественной и политической культуры.

В культуре имперской России, как и в русском общественном сознании, права и свободы не занимали значительного места. Так, Н. А. Бердяев отмечал, что в России демократия и права всегда воспринимались как отдельные, не связанные друг с другом категории, поэтому идеи автономии и неотъемлемых прав личности были чужды и сознанию, и всему укладу российского общества³.

Традиционное понимание прав человека в российской интерпретации базируется на превалирующей роли государства. Примечательно, что в дореволюционном учебнике административного права А. И. Елистратова соответствующие параграфы озаглавлены следующим образом: «Положение обывателя в полицейском государстве» и «Положение личности в правовом государстве».

В настоящее время идея прав человека стала более популярной и действенной из-за современных феноменов трансграничности и наднациональности, снижающих ценность суверенитета. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года и других документах не отражена такая ценность, как патриотизм, хотя Никколо Макиавелли в свое время утверждал, что «назначение человека на земле, его первейший долг — это патриотизм, забота о славе, величии, свободе родины»⁴. На этом базируется моральная основа личности высоконравственного человека: он не святой — он патриот.

¹ Кулабухова М. А., Табачек А. Б. Терпение как традиционная ценность России и русского мира // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре : материалы VI Международного молодежного форума, проводимого по благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна. Елец, 25 мая 2018 года. Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2018. С. 288–291.

² Дегтярев В. И. Православие и патриотизм как основа духовно-нравственного воспитания молодежи // Тр. Ростов. гос. ун-та путей сообщения. 2014. № 1. С. 48–51.

³ Бердяев Н. А. Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 228.

⁴ Макиавелли Н. Государь // Сочинения : пер. с итал. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001. С. 636 (Сер. «Антология мысли»).

Концепция прав человека стала частью международного права лишь в XIX веке (защита национальных меньшинств), и только во второй половине XX века она стала распространяться практически на все институты и сферы жизни.

В основе современной концепции западных ценностей лежат в первую очередь следующие составляющие: экономизм, техногенность, эгоизм, эгоцентризм, сложившиеся под влиянием западноевропейских идей Просвещения (Г. Гроций, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескьё, И. Бентам, И. Кант). Таким образом, две ценностные системы имеют некоторые сходства:

— они апеллируют к религиозным, политическим и гражданским правам и т. д.;

— носят универсальный характер. Всеобщая декларация прав человека (1948) была создана под влиянием опыта применения и интерпретации американского Билля о правах.

Риторика обеспечения прав человека довольно скоро стала неотъемлемой частью американской внешней политики, что помогало привнести мораль в обычные практики реальной политики. В начале XX века вильсонизм придал этому направлению новое ускорение, оставив почти незамеченным один из своих базовых принципов — право наций на самоопределение.

Концепция индивидуальных прав человека получила дальнейшее развитие в годы политической деятельности Франклина Рузвельта, сформулировавшего в 1941 году концепцию «четырех свобод» (свобода слова, вероисповедания, экономическая свобода и свобода от страха вооруженного нападения).

В то же время отношение к правам человека в Соединенных Штатах остается двойственным и сугубо прагматическим. Слова о защите прав человека нередко можно услышать в речах американских политиков, пытающихся найти основания для внешней политики США либо ведущих предвыборную кампанию, но эта концепция практически не представляет интереса для американских политологов, которые чаще всего ограничиваются анализом ее международного аспекта. И это в ситуации, когда США до сих пор отказываются принимать обязательства по ряду международных договоров, касающихся прав человека, и не соглашаются на смягчение позиций по вопросам смертной казни. Международно-правовые обязательства США по-прежнему сводятся к участию лишь в трех соглашениях — Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966) и Конвенции против пыток (1984), в то время как всего в мире принято девять основных соглашений по правам человека, где предусмотрены контрольные механизмы.

США до сих пор не ратифицировали Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Конвенцию о правах ребенка (1989), Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990), Конвенцию о правах инвалидов (2006) и Международную конвенцию для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (2006).

Комментируя эту ситуацию, известный американский политолог М. Игнатъев указывает на то, что подобная двойственность вообще характерна для США. По его мнению, такое отношение проистекает из американской исторической традиции индивидуализма, собственной исключительности и консерватизма, который начиная с 1960-х годов практически подменил либеральную традицию в стране¹. Чувство своей исключительности основывается у американцев на пяти основных понятиях (свобода, индивидуализм, популизм, эгалитаризм, невмешательство государства в экономику), которые вызывают устойчивую приверженность идее суверенитета и убеждение в уникальности собственной демократии, что делает ненужным и неодобряемым привнесение каких-либо стандартов извне.

Это во многом и объясняет двойственность американского отношения к концепции прав человека. В данном случае речь не идет о том, что американская демократия абсолютна по своим достижениям, исключительна. Она, по мнению С. Липсета, «качественно другая», но не «лучшая».

«Качественная инаковость» проистекает из особого опыта государства, который сделал граждан идеальными носителями универсальных гражданских и политических ценностей. Данный миф возник еще в XIX веке из убеждения, что американский гражданин — это человек, который воспитан вне ограничений Старого Света, на «чистом» политическом пространстве, заново структурированном американской нацией и ее по-

литическими институтами, свободными от коррупции и других пороков.

Проблема двойных стандартов была самой заметной и труднопреодолимой. Использование самой идеи защиты прав человека для морального обоснования внешней политики не могло стать ее реальной целью, что превращало защиту прав в значительной степени в риторику для реализации других целей.

В связи с этим возникали и возникают разногласия между российской, западной и американской дипломатией. Это особенно отчетливо выявилось при обсуждении проекта в III Комитете Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1948 году, когда инициатива советских представителей отразить в Декларации связь прав человека с проблемой государственного суверенитета не была поддержана участниками обсуждения. Представители стран Запада сочли, что это предложение отражает противоречащую абсолютному характеру прав человека идею подчинения личности государству, в то время господствовавшую в СССР. Западные дипломаты также не согласились с предложением советской стороны о включении в Декларацию статьи о праве наций и народов на самоопределение. Фактически то же самое происходит и наши дни (резолуция по Сирии и др.).

Таким образом, концептуальные идеологические разногласия, в том числе по вопросам формирования международного права, имеют глубокие исторические корни, базируются на различиях культурных и религиозных традиций.